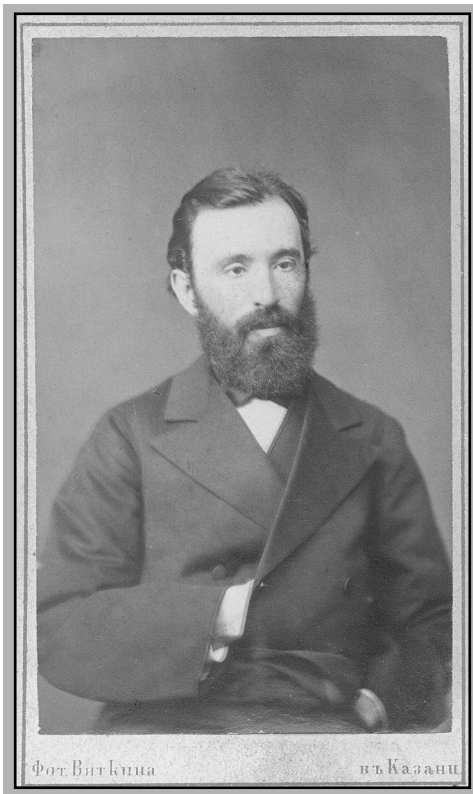
Казанский адресат Н. С. Лескова



П. В. Знаменский. Казань, 1870-е гг.
Из личного архива О. В. Троепольской.

В Национальном архиве Республики Татарстан в фонде известного историка русской церкви профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского (1836-1917) хранятся семь автографов — писем классика русской литературы Николая Семеновича Лескова (1831-1895) казанскому ученому[1]. Переписка, начатая по инициативе Н. С. Лескова, охватывает пять лет — с октября 1875 по апрель 1880 г. Эти письма ранее не исследовались и нигде не были опубликованы. Неизвестным остается также вопрос о сохранности и местонахождении писем П. В. Знаменского.

Переписка Н. С. Лескова с профессором Казанской духовной академии, имевшего неоспоримый авторитет в научном мире русских историков, не была случайным эпизодом в жизни великого писателя. Из воспоминаний сына писателя и его биографа А. Н. Лескова известно, что Николай Семенович был страстным библиофилом и собирателем старинных книг, в особенности тех, которые повествуют об истории христианства, православия и русской церкви[2]. Но писатель внимательно следил и за текущими публикациями по этой тематике, не пропуская ни одной сколько-нибудь значимой работы. Лесков знал многих авторов лично или по переписке. Среди его знакомых и корреспондентов мы находим имена многих известных иерархов, профессоров духовных академий и писателей, пишущих на религиозно-исторические и религиозно-нравственные темы. Письма Лескова различным адресатам, в том числе и Знаменскому, свидетельствуют о том, что писатель был глубоким знатоком церковной истории. Изучая исто-

рию религий и церкви, он пытался найти ответы на многие мучившие его вопросы современного состояния церковной жизни России. Глубокий интерес Лескова к сочинениям Знаменского, по свидетельству самого писателя, вызван правдивостью и независимостью в суждениях историка, отсутствием «направления» — будь то консервативно-охранительное, или же радикально-либеральное, — а также несомненно выраженной художественностью в изображении событий и исторических лиц.

Кем же был адресат Лескова, удостоившийся столь высокой его оценки? Попытаемся представить по необходимости краткий биографический очерк ученого, используя при этом неопубликованную рукопись самого Знаменского «Из моего прошлого. Нечто вроде автобиографических заметок»[3], главы из «Истории Казанской духовной академии», а также воспоминания учеников И. М. Покровского[4] и К. В. Харламповича[5].

Петр Васильевич Знаменский родился в 1836 г. в Нижнем Новгороде в семье дьякона. Все его предки и многочисленные родственники как по мужской, так и по женской линии, за очень малым исключением, были священнослужителями, занимавшими на духовной иерархической лестнице нижние или средние ступени. Лишь одному из родственников (родному брату бабушки П. В. Знаменского Анны Михайловны) Ивану Михайловичу Певницкому удалось подняться на более высокую ступень — он служил священником дворцовой церкви в Зимнем дворце.

Свою магистерскую стипендию в сто рублей серебром в год И. М. Певницкий распорядился передать сестре Анне Михайловне, обремененной большим семейством. Как писал Знаменский в автобиографических заметках, бабушка оказала на него большое духовное влияние. Анна Михайловна была духовно хорошо образована: почти наизусть знала Четьи-Минеи, по которым уже в пять лет Петруша выучился грамоте, к ней обращались за помощью в разъяснении трудных мест Священного писания семинаристы-квартиранты.

Бабушка была настоящей хранительницей семейных и народных преданий, сказаний, поверий, традиций. В противоположность ей матушка-дьяконица была современной женщиной. Ее интересовали романы Поль де Кока и подобных ему писателей, театральные постановки. Отец-дьякон был хорошим латинистом и любил на досуге поспорить на философские темы со своими приятелями, бывшими семинаристами. Он частенько захаживал в театр, был знаком с актерами, бывшими его прихожанами, которые предоставляли ему возможность бесплатного посещения спектаклей и с которыми, при случае, он любил и «кутнуть». Воспитанием детей родители, по сути, почти не занимались.

Материальное положение семьи Знаменских было довольно скромным. Хотя они и имели собственный дом, в котором даже сдавали «углы» семинаристам, но каких-либо сбережений на черный день не было. Поэтому когда отец погиб, став жертвой разбойного нападения, хоронить его пришлось на деньги, собранные по подписке среди прихожан. Вдова с шестью детьми на руках оказалась в очень трудном положении. Пенсия, назначенная по случаю потери кормильца, средства, собранные по подписке для поддержания семьи, а также квартирная плата с постояльцев, не давали достаточных средств к существованию. На семейном совете поначалу склонялись к тому, чтобы отдать самого старшего из детей, Петрушу, которому едва исполнилось 14 лет, в приказные в лавку. Неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы один из опекунов не увидел у своего подопечного незаурядные способности к учению и не настоял на том, чтобы отдать мальчика в духовную семинарию на казенный кошт. Он предсказал, что, выучившись, Петя займет более достойное положение, чем отец, и вытащит семейство из нужды. Так впоследствии и оказалось.

Петр Знаменский стал учащимся Нижегородской семинарии, в той же семинарии учился Н. А. Добролюбов, который закончил ее семью годами раньше.

Суровый быт русской бурсы хорошо известен по литературе. Две главные беды сопровождали семинаристов все годы учения. Первая — постоянное чувство голода. Вот как описывает Знаменский семинарс-

кий стол: завтрак — кружка кваса с ломтем черного хлеба; обед — щи или гороховый суп с добавлением в скоромные дни двух-трех еле заметных кусочков мяса и неизменная гречневая каша, приправленная ложкой масла. Ужин — та же каша и стакан кипятка. Белая булка, молоко, чай со сладостями давались лишь по двунадесятым праздникам. Вторая беда, от которой страдали семинаристы, — обилие насекомых в платье и постелях, или, как выразился Знаменский, «скотоводство». Были еще и другие тяготы бурсацкой жизни: помыкание старших учеников младшими, суровая дисциплина, изнурительные занятия малопонятными юным умам дисциплинами.

Спартански суровый и аскетически семинарский быт сформировал, привычки и образ жизни П. Знаменского. Из семинарии он вынес необыкновенную трудоспособность и неприхотливость. Испытав в юные годы все тяготы материальной нужды, Знаменский, заняв высокое положение, щедро помогал обездоленным, и не только своим родственникам. Уже после отставки из академии, он большую часть пенсии и гонораров переводил на стипендии «недостаточным» студентам.

Любимыми предметами в семинарии у Знаменского были математика, история, рисование и позднее философия. По математике ему больше всего нравилось заниматься геодезическими измерениями. На последних курсах он даже задумал составить план Нижнего Новгорода. Свои познания в геодезии Знаменский впоследствии смог применить при проектировании и строительстве собственных домов.

В 1860 г. Знаменский в звании магистра закончил семинарию и был направлен на учебу в Казанскую духовную академию. Здесь определился его главный интерес и дело всей жизни — изучение истории русской церкви. Кафедру общей и церковной истории в Казанской академии в разное время занимали такие известные в русской литературе деятели, как Г. З. Елисеев — воспитанник Московской академии, читавший свой курс с 1844 по 1854 г., и А. П. Щапов — воспитанник Казанской академии, читавший свой курс по гражданской и церковной истории одновременно в академии и в университете с 1856 по 1861 г. Перу Г. З. Елисеева принадлежит объемный труд по истории Казанской епархии, которым пользовались многие историки, в том числе и П. В. Знаменский. В 1860-е гг. Елисеев стал одним из руководителей журнала «Современник» и сблизился с Н. С. Лесковым, тогда начинающим петербургским журналистом. Писатель разделял в то время «левые» взгляды, что нашло отражение в записи реестра петербургского обер-полицмейстера: «Елисеев. Слепцов. Лесков. Крайние социалисты. Сочувствуют всему антиправительственному. Нигилизм во всех формах»[6].

Что касается А. П. Щапова, то он является автором многих ценных работ по истории раскола и старообрядчества, исследований по экономике сельских общин и земских соборов и других трудов. Его имя стало широко известно после Куртинской панихиды, на которой профессор выступил со страстной речью, разошедшейся во многих списках по России. В «Истории Казанской духовной академии» П. В. Знаменский уделил много места личности и трудам А. П. Щапова, своего учителя и предшественника. Высоко оценивая его научно-исторические сочинения, в особенности по истории раскола, восхищаясь его феноменальной работоспособностью, он в то же время не соглашался со многими крайностями его взглядов. В частности, он не разделял его идеализацию народной жизни, «поэтизацию» мужика, стремление видеть за несколькими историческими фактами тенденцию. Эти замечания П. В. Знаменский высказывал своему учителю, еще будучи студентом, в диспутах, проводившихся на квартире у А. П. Щапова. Преподаватель сторонился своих коллег, но зато с охотой вступал в длительные споры на исторические темы (других Щапов не признавал. — *Б. К.*) со студентами. Эти диспуты стали для П. В. Знаменского хорошей научной школой.

Собственно, началом научной деятельности П. В. Знаменского можно считать 1859 г., когда ректор академии отец Иоанн (Соколов) предложил ему тему для магистерской диссертации: обзор всех русских историков, начиная с В. Н. Татищева, по

отношению к русской церковной истории. Когда диссертация была уже почти готова, ректор из-за конъюнктурных соображений заменил тему на новую: обозрение постановлений по церковным делам в России в XVIII в. За несколько месяцев П. В. Знаменский справился и с этой темой, затем успешно защитил магистерскую диссертацию.

Закончив вторым магистром Казанскую академию, он был назначен в Самарскую семинарию преподавать философию и логику, но менее чем через год стараниями ректора отца Иоанна, заметившего и оценившего дарования молодого бакалавра, был переведен в родную академию на кафедру математики. В следующем году П. В. Знаменский занял кафедру истории, ставшую вакантной после отстранения А. П. Щапова.

П. В. Знаменский. Казань, 1910-е гг. Из личного архива О. В. Троепольской.

Как ученик Щапова, Знаменский на первых порах довольно близко держался его программы, сглаживая только ее крайне народническое направление. Но постепенно он разработал собственную оригинальную программу изучения и преподавания общей и церковной истории. Суть ее П. В. Знаменский изложил в статье «Заметки касательно устройства древней иерархии»: «История нашей церкви доселе шла по официальному, так сказать, направлению, в каком разрабатывалась некогда и гражданская история… в параллель ей и церковная история рассказывала нам жития и подвиги благочестивых иерархов и святых мужей, следила за проявлениями в жизни внешней стороны православия, тоже не обращая никакого внимания на религиозный склад, на развитие религиозного сознания самого народа, на те оригинальные формы, в каких народ выражал понимание предложенного ему учения. Мы знали, кто и когда учил православной вере, какие правила церковной жизни переданы были в Россию греческой церковью; но не знали другой — самой существенной стороны дела, как народ усвоил учение веры, как церковный закон обнаруживал свое влияние на народную жизнь, какие особенности и в вероучении, и в церковной практике проистекали от соприкосновения православия с народными понятиями и религией»[7]. П. В. Знаменский уделял большое внимание учету экономического и географичес-

кого факторов в церковной истории, что сближало его научную концепцию с концепцией В. О. Ключевского. Но не менее важным он считал и духовно-нравственный фактор, который в истории России определялся в значительной степени православной церковью.

Труды по истории русской церкви, в которых стали отчетливо проявляться новые тенденции, появляются в 1860-1870 гг. Таковыми были сочинения митрополита Макария (Булгакова), «История русской церкви» академика Петербургской академии наук Е. Е. Голубинского и, наконец, «Руководство к русской церковной истории» П. В. Знаменского, в основу которого были положены записи лекций его курса в Казанской духовной академии.

Уже первое издание «Руководства», напечатанное в 1870 г. в Казани, сразу же обратило на себя внимание церковной общественности, получило благосклонную оценку Священного Синода, было рекомендовано им в качестве учебного пособия для всех духовных учебных заведений и удостоено премии митрополита Макария. «Руководство», впоследствии получившее название «История русской церкви», выдержало при жизни автора семь изданий. По этому учебнику обучались и обучаются в настоящее время многие поколения воспитанников духовных учебных заведений. История русской церкви, написанная автором, обладающим, несомненно, выдающимся художественным талантом, а также его идейная позиция и привлекли внимание Н. С. Лескова.

В 1871-1872 гг. П. В. Знаменский подготовил докторскую диссертацию — капитальный труд на 850 страницах — «Приходское духовенство со времени реформы Петра» (издан в 1873 г.). Этот труд, в который вошли несколько десятков статей, опубликованных в журнале «Православный собеседник», не утратил своего научно-исторического значения и по сей день. Ссылки на него часто можно видеть в трудах современников. Материалом для многих статей П. В. Знаменского служили рукописи из библиотеки Соловецкого монастыря, которая была переведена в Казанскую академию во время Восточной (Крымской) войны 1854-1855 гг. ввиду опасности вторжения английского флота на Соловецкие острова. П. В. Знаменский был председателем комиссии по описанию рукописей Соловецкой библиотеки, которая подготовила к печати «Описание рукописей Соловецкого монастыря» в трех объемных томах. Всего было описано 700 номеров рукописей, более трети всех описаний принадлежит перу самого П. В. Знаменского. «Описанием» и самими рукописями пользовались многие известные ученые-историки, в том числе В. О. Ключевский.

В 1892 г. Казанской академии исполнялось 50 лет. К этой юбилейной дате ученый совет поручил профессору П. В. Знаменскому составить описание истории академии с 1842 по 1870-е гг. до введения нового устава. Профессор блестяще справился с этим поручением. В 1891-1892 гг. в Казани вышли три объемных тома сочинения П. В. Знаменского. Труд этот не имеет аналогов в истории русских духовных академий. Знаменского по праву называли летописцем Нестором своей alma mater. Книга написана живым, образным языком. Перед читателем воскресают многие события, подчас драматические, из истории академии и действующие лица этих событий. Благодаря П. В. Знаменского за присланные тома «Истории», В. О. Ключевский в письме к коллеге писал: «В Вашем юбилейном “поминовении” поминаемые покойники Казанской академии встают совсем живыми людьми. В Вашем рассказе мне впервые показались понятными и некоторые лица, о которых доселе я имел недостаточно ясное разумение»[8]. Восторженную оценку «Истории» дал и выдающийся философ В. В. Розанов[9].

Нельзя сказать, что сочинения П. В. Знаменского не встречали никакого сопротивления и критики со стороны духовной и гражданской цензуры. Было и то, и другое, о чем он, по-видимому, сообщал Н. С. Лескову в одном из писем. Но, в сравнении с той травлей, которой подвергался Н. С. Лесков со стороны «левого» и «правого» направлений, критика в адрес П. В. Знаменского кажется ничтожной, и Лесков советует не обращать на нее никакого внимания. По представлению

В. О. Ключевского П. В. Знаменский был единогласно избран honoris causa* доктором истории Московского университета, членом-корреспондентом Петербургской академии наук, доктором истории Казанского университета, пожизненным членом Московского общества истории и древностей российских, а также членом многих провинциальных исторических и археологических обществ (Киев, Казань, Нижний Новгород, Саратов, Тамбов и др.). Все четыре российские духовные академии удостоили его звания почетного доктора.

В памяти многих поколений студентов академии сохранился образ мудрого педагога и прекрасного лектора П. В. Знаменского. Если А. П. Щапов привлекал студентов энтузиазмом и жаром своих лекций, то П. В. Знаменский покорял сердца своих слушателей тщательной продуманностью и цельностью, гармоническим соединением обильного фактического материала с его художественной обработкой. В его лекциях, как и в печатных трудах, историческая жизнь воскресала и развертывалась в живых и правдивых картинах[10]. Пропускать лекции П. В. Знаменского считалось у студентов чем-то неприличным.

По достижении 60 лет П. В. Знаменский, имея за своими плечами долгие годы усердной непрерывной ученой и литературной деятельности, почувствовал, что уже не может как прежде, с той же энергией, служить на педагогическом поприще, и решил освободить кафедру для молодого, полного свежих сил доктора богословия, к тому же многосемейного и нуждающегося. Это был благородный поступок, на который не многие бы решились. После этого П. В. Знаменский прослужил еще один учебный год, а затем совершенно оставил профессорскую службу. Сделавшись «свободным профессором», он не порвал связь с родной академией до конца жизни. В качестве такового он получил новую, более широкую, чем прежде, аудиторию, собиравшуюся у него на квартире. Состав слушателей включал в себя иерархов и простых приходских священников, коллег-историков и профессоров других специальностей, учителей и студентов. Его любимый ученик и душеприказчик, известный историк и архивист, профессор И. М. Покровский вспоминал о своем учителе: «Всегда добрый, внимательный и услужливый, П[етр] В[асильеви]ч никогда не отказывал в нужном и возможном совете. Всем доступный, он по-прежнему не жалел дорогих сокровищ своего ума, знания, опыта, делясь ими со всеми. Можно смело сказать, что никто из добровольных посетителей П[етра] В[асильеви]ча не уходил от него неудовлетворенным и без новых знаний»[11].

Не оставил П. В. Знаменский и своих литературных занятий. Его самыми замечательными работами после отставки были статья «Печальное 25-летие» и трактат «Богословская полемика 1860-х годов к современной жизни», посвященные жизни и сочинениям отца Феодора (Бухарева)[12]. Эти публикации получили заметный резонанс в обществе и привлекли внимание к работам Бухарева членов известного религиозно-философского общества. С большой сочувственной статьей «Аскоченский и архим[андрит] Бухарев» выступил в «Новом Времени» В. В. Розанов[13].

Сам П. В. Знаменский на протяжении всей своей творческой жизни серьезно изучал философско-нравственные проблемы. Значительную часть его обширного архива составляют рукописи философских работ, до сих пор никем не исследованные. Хочется надеяться, что философское наследие замечательного историка привлечет внимание молодой научной общественности.

П. В. Знаменский в отличие от знаменитого писателя и современника Н. С. Лескова, разочаровавшегося к концу жизни в православии и отошедшего от него, до конца жизни был верен и православию, и церкви, но не из-за конформизма или карьерных соображений. Он не хуже Н. С. Лескова видел и знал «темные» стороны и древней, и современной ему церковной жизни и кризисные явления богословской науки и практики, но при этом верил во внутреннюю интеллектуальную и нравственную силу православия.

Широко известна благотворительная деятельность П. В. Знаменского, о которой

* Honoris causa — за заслуги (лат.).

мы уже упоминали. Примеры его благих дел можно продолжить: он отказался от вознаграждения за свой монументальный труд «История Казанской духовной академии» в пользу «недостаточных» студентов; несколько тысяч томов из своей библиотеки он передал родной академии и епархиальному женскому училищу.

Все, близко знавшие Петра Васильевича, отмечали благородство его натуры, душевную доброту, простоту и естественность в обращении, мягкий, добродушный юмор и даже «прирожденный аристократизм», который, впрочем, заметен на его фотографиях. Благодаря каждодневному упорному труду бывший полуголодный бурсак, не имевший лишней пары белья и нескольких рублей для покупки красок и книг, стал гражданским генералом, действительным статским советником. Но все это не сделало его ни тщеславным, ни высокомерным человеком.

Петр Васильевич тихо скончался 2 мая 1917 г. в своем доме. Спасский монастырь, в ограде которого был похоронен он сам и его супруга, в 1930-е гг. был разрушен, а вместе с тем пришло в запустение и монастырское кладбище. Могильные памятники и плиты, оставшиеся беспризорными, наконец, совсем исчезли. Казалось, навсегда канула в Лету и память об известном некогда казанском историке. Но все возвращается на круги своя. Возвращаются из забвения имена и духовное наследие многих выдающихся историков, философов, богословов и писателей. И в ряду этих выдающихся деятелей отечественной культуры достойное место по праву принадлежит П. В. Знаменскому.

Автор выражает благодарность Ольге Викторовне Троепольской, внучке профессора И. М. Покровского, за предоставленные фотографии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. НА РТ, ф. 36, оп. 1, д. 127, л. 44-56.
2. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. – М., 1984. – Т. 2. – С. 229-231.
3. НА РТ, ф. 36, оп. 2, д. 6.
4. Покровский И. М. К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный собеседник. – 1917. – Ч. 1. – С. 1-46.
5. Харлампович К. В. Историк-художник // Известия Северо-восточного археологического и этнографического института. – 1917. – Т. 1. – С. 1-48.
6. Аннинский Л. Три еретика. – М., 1988. – С. 233.
7. Харлампович К. В. Указ. соч. – С. 19.
8. НА РТ, ф. 36, оп. 1, д. 130, л. 82-83.
9. Розанов В. В. Около церковных стен. – М., 1995. – С. 242.
10. Харлампович К. В. Указ. соч. – С. 9.
11. Покровский И. М. Указ. соч. – С. 22-23.
12. Знаменский П. В. Богословская полемика 1860-х годов к современной жизни // Православный собеседник. – 1902. – Ч. 1. – С. 554-561, 640-654, 780-792; Ч. 2. – С. 325-352, 479-499, 639-657.
13. Розанов В. В. Указ. соч. – С. 241-262.

Письма Н. С. Лескова профессору П. В. Знаменскому*

№ 1.

СПб., Захарьевская, № 3, кв. 19.
19 окт[ября] [1]875 г.

Господин профессор, желая приобресть для своей рабочей библиотеки экземпляр написанной Вами «Истории русской церкви», я употребил к тому всевозможные усилия, отыскивая эту книгу повсюду, и сам, и через букинистов; но при всем том, не достал ее. «Приходское духовенство»[1] я выписал через Колесова в книгах журнала «Православный собеседник» за 1871 и 1872 [гг.]; но для того, чтобы получить «Историю русской церкви», не могу и этого сделать, потому что не знаю, в каких именно книгах журнала она была напечатана?

Позвольте мне беспокоить Вас покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением: в каком году Вашего академического журнала была напечатана эта история; во скольких книгах и можно ли все эти книги выписать при академическом правлении?

* В тексте писем сохранена лексика и орфография автора.

Вы, господин профессор, этим крайне обяжете скромного литератора, любящего церковь и высоко уважающего Ваши превосходные труды по ее истории.

С должным к Вам почтением имею числить себя Вашим слугою и почитателем, Н. Лесков.

Адрес мой: Николаю Семеновичу Лескову*.

СПб., Захарьевская, № 3, кв. 19.

№ 2.

СПб., Захарьевская, № 3, кв. 19.
4 ноября [1]875 г.

Уважаемый Петр Васильевич!

Очень благодарен Вам за Ваш ответ о книге: на нет и суда нет. А слышал от Коробкова, что Вы пустите новое издание, но с сокращениями и переделками, которых от Вас требуют прямо или косвенно. Слух этот подтверждали мне и другие, а я хочу иметь экземпляр этой книги, как она сочинена Вами, независимо от каких бы то ни было давлений. Преосв[ещенного] Никанора[2] я не знаю, но верю всем приписываемым Вами ему достоинствам: tout est possible dans le nature[3], и русская натура так доброкачественна, что благодаря ей, может быть, можно встретить людей с христианскими свойствами даже среди современных нам русских архиереев. Но в отношении суда к Вашей книге, преосвященный вряд ли прав: взгляд Ваш трезв и правдив. Особенно хорошо Вы умеете отнестись к монгольскому периоду нашей истории. Вы мне даете незаслуженные комплименты, называя меня «знатоком русской религиозности» – это слишком много; но дело это меня интересует, и я люблю его. Религиозности в том смысле, в каком она нравится нашим архиереям, у нас не было и нет: они сами «не жарки и не холодны», и с ними вкупе только не жаркие и не холодные, которых «избегает Господь с уст своих». Приняв обряды, или, пожалуй, хоть и всю веру от Византии, мы не сделались христианством византийского пошиба: наш Бог, конечно, наш Бог – русский, простой; живет Он у нас за теплой пазухой, к сердцу близко, и мы не думаем, что ему нескладно сидеть у нас за потной рубахой. Его там греем, да пристаем к Нему – «помилуй».

Таков Он у раскольников и у пиетистов[4] – людей, возбуждающих к себе большое сострадание. Не таков Он лишь у догматизаторов, умствующих, во что бы им верить, дабы снова было о чем умствовать. Мне глубоко противны и непонятны эти «изследования» о Боге и комментарии судом Его; и с тем противны и те, кто думает своим слепым умом изъяснять эти неразрешимые сокровенности. Архиереи ли это, им спорить – это все равно, но архиереи хуже. Эти «не жаркие и не холодные» поучились бы у военачальников, к защите которых они так охочи прибегать ввиду своей духовной неустойки. Что делает комендант крепости, осажденной неприятелем? Он разрушает и зжет устаревшие предместья, дабы в них не засел враг и из них же не начал бы действовать по цитадели. А они все еще городят или держатся за всякий шалаш и городульки, думая что этим они «религию спасают!».

Вот уж именно вожди слепые – «отцеживают комара и глотают верблюда». Что же вредного в правдивом сказании о том, что церковность «в оны дни» по местам навязывалась, когда она и ныне чуть не повсеместно навязывается? Разве это не так? Нет, Вы имеете хороший и достойный почтения взгляд на историю, и дай Вам Бог так продолжать трудиться. Теперь в области религиозной науки, но что так же важно, как и церковная история, труды исторические давно повсегда не только апологетические, но и экзегатические[5], особенно когда сими последними занимаются люди не свободные и обязанные все разрешить в положительном смысле. Одно не хвалю в Вас, – что Вы не совсем русский человек. Как это можно не дать мне книги? В России нельзя только того, чего не хотят, – нет книги по 1 р. 50 к., то есть она за 3, 4 р. 50 к., за 6, наконец…

Пожалуйста, пришлите, я заплачу, сколько бы то [не] потребовалось, потому что она мне очень нужна и мне надоело ею побираться.

О «Запечатлен[ном] ангеле» когда-нибудь расскажу Вам: у него конец не тот, какой я хотел ему дать, но который, конечно, более отвечал бы правде художественной и исторической. Надо знать, что «Ангела» прежде его печатания читала императрица, чувства которой надо было беречь. Преданный Вам Н. Лесков.

[В семинариях хвалят Вашу историю – это приятно слышать, но у нас по Ми[нистерству] н[ародного] п[росвещения][6] она, к сожалению, не имеет фавора, однако не должно Вас смущать: все придет в свое время]**.

---

* Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.

** Предложение дописано на полях.

№ 3.

СПб., Захарьевская, № 3, кв. 19.
1 июля [1]876 г.

Уважаемый Петр Васильевич!

Вы меня очень одолжили Вашим вниманием, и я усерднейше благодарю Вас за Вашу превосходную книгу. По истине, я затрудняюсь даже сказать, как я люблю Ваши сочинения и утешаюсь Вашим светлым и ясным взглядом, для усвоения которого нужны не только любовь к святой истине, но и то «дерзновение веры», которое дает силу слову правды, а не «путает смысл смертного». После того, как я кучился Вам и с дерзновением вымогал от Вас книгу, ведь утекло так много, что я, сносясь с разными книжниками и фарисеями, достал наконец экземпляр в Киеве, у Литова, где их было, впрочем, несколько. Еще раз перечитав: «нотатки»[7] поделав и поставив в излюбленный шкаф, – стал добывать статьи о катеринином времени, однако всех никогда собрать не мог, хотя получал книги журналов из академической библиотеки. Видно, оне оттуда разбегаются. Вас просить об оттисках все совестился, а Вы вот вдруг и утешили! Дву спасибо же Вам и поклон до земли. Книгу всю прочел, слоняясь по тихим лесам Финляндии, где скрываюсь теперь от палящего зноя и городской задухи. Ничего не могу сказать, кроме того, что – «добро зело». «Огненный человек» (Петр) очерчен мастерски, но Феофан[8] менее вытанцевался, – и слышен, но не видим, впрочем, кроме прельстивейшего места с обмундировкою патриарха, где оба швеца так сидят живые пред читателем. Елизавета и Екатерина с энциклопедизмом и вообще направлениями ея эпохи – ценою не могут оценены это образцовые страницы исторического сочинения, которыми страна может и будет гордиться, когда мало [или] не будет холопей и прихвостней науки. Потом мне показалось, что бедного Феофилакта Лопатинского[9] можно бы поставить посветлее, оттенив его, напр[имер], посильнее Мациевичем[10], с которым их у многих принято смешивать в одну категорию «последних страстотерпцев». Однако Вам лучше знать меру, какою Вы их мерили. Но вот чего я не знаю: для чего Вы упорно называете известную книгу «Мессия праведный», когда она называется «Мес[сия] правдивый». «Правдивый», взятое с польского, значит «настоящий, истинный». Ему никак не соответствует слово «праведный». В экземпляре львовской печати должно значиться «М[ессия] справедливый» – опять в смысле настоящий, истинный, несомненный. Это все, что можно сказать, придираясь к книге как старинный стряпчий, с тем же – нет слов, которыми любящий родину человек мог бы достойно выразить Вам свою благодарность за эту первую правдивую, альбо справедливую и понятную историю русской церкви. Что не удалось Платону[11] и Филарету (черн[иговскому])[12], Вы все это победили со славою, от Вас неотъемлемою. Остается желать Вам здоровья и ретивости и жалеть, что критика, т. е. настоящая критика, а не комплиментная заметка или направленная брань, для прекрасной книги Вашей в настоящее время невозможна, не «по причинам, от редакций не зависящим», а именно по причинам, от них зависящим. Для дельной критики нет нигде места: может быть, терпим только направленский вывод. Впрочем, просвещенные литературных дел мастера еще ничего не знают о Вашей книге, иначе «красные», вероятно, сделали бы из нее малое воровство и «общий вывод», а благонамеренные сторожа «богоучрежденных порядков» не преминули бы указать кое на что властям предержащим. Но книга эта и в тиши критического безмолвия сделает свое дело и принесет плод[ов] мног[о]. О своих писаниях после Ваших говорить стыдно и впору промолчать, но что Вы мне на многое очи открыли и укрепили меня там, где я колебался. Я написал маленький очерк «На краю света», где уже почувствовал на себе Ваше влияние, и, окончательно переселясь в Финляндию на все лето, думаю начать повесть, которая будет называться «Еретик Фаресов». Даю этому (расстриге попу из раскольников) те христианские идеи, которые считаю лучшими; голову скрою по выкройке, преподанной Вашей историей. Глубоко чтущий Ваши превосходные дарования, Н. Лесков.

№ 4.

Выборг, Пикруки, № 4 и 5.
16 июня [1]876 г.

Сегодня, около 2-х ч[асов] п[ополудни] я докончил второй раз обстоятельное чтение Вашей книги, уважаемый Петр Васильевич, и задремал перед обедом, как вдруг чухонский легконосец примчал Ваше письмо, писанное, по Вашим словам, отрывками и имеющее для меня огромное и приятное значение. Экие, государь мой, «жестокие нравы-то в нашем городе»[13], как они всех нас смирили и затпрукали, что все мы беспрекословно готовы считать себя за ничто, а обиды, нам наносимые, «вменять за уметы». Я верю Вам, что Вы не рисуетесь и что Вы, как настоящий русский талант, скромны до того, что и мой горячий, но ничего не значащий восторг от Вашего неоценимого труда Вам кажется увеличением. Ох, я знаю это… очень знаю и всегда припоминаю слова Диккенса:

«Когда человека не в меру хвалят, это худо, но когда его долго уничтожают, это еще хуже». Сам себя можешь до того зацукать, что уж и вправду и руки упадут, и голова повиснет. А это нигде так не легко, как у нас: особенно для человека чуткого и впечатлительного, каковым Вы мне представляетесь. Всем этим я много на свой пай перестрадал и перемучился и знаю, что это за терзания: но Вы, должно быть, имеете передо мною большие преимущества, которые я чувствую в превосходном складе Вашего ума. О толках и перетолках, возбуждаемых Вашими сочинениями, мне, разумеется, говорить не стоит. Понятно и то, что каждый богослов за честь почтет лягнуть Вас, ибо как Ахилла говорил комиссару Данилке: «Против Божества, что хочешь бреши, но обряда не касайся, потому это наша жизненность»[14]. Фарисеи, они и подлецы, и за то ухлопают свою ортодоксию, так что ей не устоять долго на четвереньках. Но если это так нужно, то не станем об этом до времени охать то, чего не одолеют врата адовы, всегда выстоит, и с меня этого довольно, кажется, и с Вас тоже. Остальное мы не валили и не можем подпереть.

Но вот что мне дивно: Вы перечислили мне идеально лиц, подходящих к вымышленным мною типам. Я их никого не знал и ни с кого не списывал. «Соборяне» и «Запечатленный ангел» – чистый вымысел, а [в] основу рассказа «На краю света» легло событие, рассказанное покойным преосв[ещенным] Нилом, от[цом] Ярославским, но опять действительного там одно зернышко, т. е., что Нил ездил, заблудился, спасен дикарем и вернулся, сказав: «нет, устал, лучше пускай их мои пьяницы не крестят». Архиерей и Кириак[15] выдуманы, а рощи архиерейские разведены по «Истории» проф[ессора] П. Знаменского, что, я думаю, и легко видеть, даже делать ссылки на страницы. Как же Вы не заметили мне, что и Вас-то я тоже знаю по одному описанию, встречаемому у Мольера: Вы как мольеровский мещанин во дворянстве, но знаете, что Вы до сих пор говорили прозою…

Вы сетуете, что Вы не художник: а кто же после этого художник? Что же составляет не только силу, но и прелесть Вашей истории, как не ее художественность? Вы большой и прекрасный художник. Лица, Вами воспроизводимые, живы, образны и всегда описаны «с проникновением», а присущее Вам чувство меры и редкая прямота по честности суждения делают Вас совершенно единственным в своем роде. Имея, по преимуществу, в приемах сходство с Костомаровым[16], также, по-моему, большим художником, Вы свободны от его тенденциозности и той пакости, которую у нас принято звать «направлением». Вы имеете свое, ясно чувствуемое мировоззрение, и затем из него развивается органически это великое Ваше превосходство перед Костомаровым, которого также уничтожают глупо, грубо и подло. Все им хочется Карамзиных, Иннокентиев с Филаретами[17]. Да впрочем, все вздор – просто они всего живого боятся. Дабы не повредило то их «жизненности». Плюньте Вы на эту мерзопакостную сволочь! Потом, у Вас как бы есть что-то общее с Рих. Рассе[18]. Что это такое именно? А на это не могу дать ответа, но думаю, что этот, по-моему, очень хороший писатель пользуется у Вас, вероятно, некоторым расположением. По крайней мере, мне это так кажется, и я в этом ничего худого не вижу, окромя хорошего. Феофилакта Лопатинского я очень люблю и особенно его чувствую теперь, когда перед моим окном чернеет башня, где эта душевная простота томилась в тяжкой неволе. Вы обладаете поистине изумительным чувством меры, но на Феофилакта Вы себя, кажется, очень уж урезали. Однако, может быть, я и ошибаюсь, именно потому, что он мне мил и жалок до бесконечности. Всего жалче мне то, что Вы почти ничего не сказали о его «Апокризисе»[19] , который до сих пор почти никому неизвестен. Равным образом я хотел бы узнать о Вашем видении о прикосновенности Феофана к изданию пресловутого «Молотка». Феофан лицо сложное, и его трудно объективировать, а Вам его все-таки удалось поставить очень ловко. Это Вами отлично выражено, что он лез на политические ябеды из полемических рожнов догматического характера. Тут он и весь, насколько его можно подать в сильном сокращении. Но Вам бы, кажется, теперь, после «Истории», надо взяться за то, что делал Костомаров, – за отдельные характеристики, для публики, а не для учащихся. Это, при царящем у нас в обществе дилетантизме, едва ли не лучший способ «вбить» людям в лоб знакомство с историей; а Вам это дало бы популярность (в достойном смысле) и деньги на постройку, до которой Вы, говорят, большой охотник[20]. Подумайте-ка, да возьмитесь, а я подыщу в П[етер]бурге доброхота, который гроши даст и книгу издаст без цензур. «Соборян» Вам пришлю из остального пятка экземпляров второго издания и «На краю света» с подписью «Твоя от твоих, тебе приносится». Если найду у кого-нибудь, то пошлю Вам «Смех и горе», книжечку, которую я люблю больше всего [из] мною написанного. Она имела изрядный успех и ее много разошлось, но Вы, мне кажется, ее не знаете. Теперь пишу для «Правосл[авного] обозр[ения]» о Редстоке – «Лорд Редсток и его проповедь». Это не совсем безынтересно при нынешнем великосветском стремлении к чужеверию, в котором мудрено их и винить. Сейчас, когда пишу к Вам (12 ч. северной, белой ночи), заслышал теноровые звуки псалмового напева: выхожу на балкон и вижу – на вершине громадного утеса, над морем, сложа руки на груди, стоит финн и поет Богу своему…

Чухонцы – пасторы хоть это сделали, а мы, или наши с их крестами и шапками – чему они научили и что дали душе для ея возношения над будничною жизнью? Как светским дамам не метаться на стены от Редстока? Будьте здоровы. Ах, когда бы мне с Вами свидеться. Весь Ваш, Н. Лесков.

[Если когда вздумаете мне черкнуть, сделаете сие праздником]*.

№ 5[21].

Числа никакого, а месяца не было. Писано на чужой квартире, под надзором хозяина.

Достоуважаемый Петр Васильевич!

Чувствую себя очень виноватым пред Вами, что я доныне не писал Вам: сколько раз с[о]бирался, думал… и что все? Пришлось из Питера писать Вам, а не из Москвы и то благодаря Николаю Семеновичу Лескову, который усадил меня за письменный стол. Пожалуйста, извините: при множестве всякого рода хлопот мне очень трудно собраться на писание. Я очень хорошо знаю, что Вы и прежде участвовали в «Правосл[авном] обозрении», когда я еще не был единственным редактором его; сделавшись таковым, я выслал Вам свой журнал из уважения к Вашему таланту и ученым достоинствам, даже во время размолвки с академич[еским] журналом. Вы явили доказательство Вашего благородства и чистосердечия, последнее я очень ценю. Но у меня всегда впереди дело, за которым у меня, к сожалению, не всегда поспевает слово и пишущая рука…

Я надеюсь, Вы после этого объяснения не откажетесь исполнить мою покорнейшую просьбу – уделить и для моего журнала часть Ваших литературных трудов, которые всегда найдут радушный прием и почетное место на страницах «Правосл[авного] обозрения». С глубоким почтением остаюсь готовым к услугам Вам, св[ященник] Преображенский.

СПб., Захарьевская, № 3, кв. 19.
12 апреля [1]877 г.

В конце этого послания о[тца] Петра Алексеевича, писанного по тому способу, по коему Волков писал у нас о дворянских вольностях[22], позвольте мне сказать Вам свой поклон и неизменную преданность. На 2-й неделе прошлого В[еликого] поста я послал Вам экземпляр книги «Великосветский раскол». Книгу взялся доставить Вам Ал[ександр] Ал[ексеевич] Лебедев[23] без особых моих упрашиваний, сам своею охотою, но, видно, развлекся и позабыл. Посылаю Вам вторично экземпляр уже 2-го издания (1-е разошлось в 2 недели). Много обяжете если пробежите и не выбросите. Ваш академический журнал ругал меня за эту книгу, да напрасно. Я думаю так: это и действительно фельетон – легкий, почти шаловливый очерк, но что за беда в этом? Кто бы и читал это, если бы это было так серьезно, как иные статьи «Прав[ославного] соб[еседника]», которым я не в состоянии подражать. Я слыхал доказательство, что о религии надо писать с помазанием, но почему о ней надо непременно писать тяжело и скучно, этого до сих пор не знаю. Верно, Вашим товарищам уже надоело в Бога верить. Они и говорят, что об этом надо говорить насупя брови. Посылаю Вам и другую свою пустяковину, написанную лишь бы отделаться от просьб редактора. Прочтите, если досужно. Обратили ли Вы внимание на довольно скучную книжку ташкентского Софония[24] о несторианах? Там есть ненароком сказанные интересные для Вас места (напр., о патриархах, которых султан Меджид удерживал от земных поклонов в полном облачении – С. 34). Пришлите что-нибудь «Православному обозрению». Вас там чтут и любят, и только о[тец] Преображенский имеет неодолимую вражду к почтовому ведомству и никому вовремя не напишет. Да отпустите ему это. Многоуважающий Вас, Н. Лесков.

№ 6.

СПб., Невский пр., № 61, кв. 17.
28 февраля [1]878 г.

Благодарю Вас, мой достойнейший и даровитейший Петр Васильевич, за внимание и память, о которых мне свидетельствует присланная Вами брошюра! Речь Ваша по обыкновению есть «речь Ваша», т. е. умная, правдивая, образная и, что всего дороже в наше ледящее время, – независимая[25]. За все это остается только Вас «продернуть». Что я и постараюсь исполнить. Хоть при посредстве «Церковно-обществ[енного] вестника» или Поповицкого[26]. Продернуть Вас удобно и следует по поводу Nota bena, которую Вы ставите непогрешимым редакторам последнего учебного устава. Кто Вам разрешил такую неслыханную в наши дни дерзость? Знаете Вы историю, и старую, и новую,

* Предложение дописано на полях.

да, видно, забываете «новейшую», по поводу которой покойным Некрасовым хорошо сказано, что «бывали хуже времена, но не было подлей».

Как Христом сказано последнее слово нравственности, так этими мертвецами науки сказано последнее слово науки. Так, по крайней мере, эти господа думают, и их царствию, кажется, не будет конца до конца. Противные люди, и противно все, что они делают и утверждают «в долготе дней».

Послал Вам своего «Некрещенного попа». Это анекдот из полтавских хроник. В основе рассказа – все правда. Против журнала рассказ пересмотрен и дополнен изрядно. Новостей у нас немного. Предтеченский, редактор опозорившегося «Церковного вестника»[27], безнадежно болел и уезжает за границу. У него ничего не варит желудок. Должно быть, рак. Очень нужно было перед смертью писать пошлости, да еще для одной своей души, обеспеченной 4 т[ысячами] рублей в год. Таково время. Из Киева пишут, что Малеванский, следуя Бухареву, снимает с себя сан и женится. Епископ Филарет[28] был здесь проездом в Ригу и по поводу Малеванского объяснил, что «это плоть творит». Он уже нынче тоже полез в бесплотные. А ведь был еще недавно человеком очень порядочным. Ключарева[29] хорошо пробрали на обеде, особенно Васильев[30], за слова, что «я-де утомился носить шкуру эфиопа». И из этого ничего не будет, кроме хамства и лицемерия в панагии.

А какой у него был прекрасный случай поторговаться за сохранение своего больши[н]ства. И уступили бы, непременно бы уступили.

Был на днях тут П. А. Преображенский и жаловался, что Вы ничего не хотите прислать и требуете задачи. Что Вы, в самом деле, ленитесь? Это Вам стыдно! Вас любят читать. Соловьев[31] у нас «вещает». По два часа в неделю. Публики тьма. Читает он мутно, сухо – по тетрадке, но с успехом. Всего более интересно тут усердствование «любителей духовного просвещения, которые выводят этого даровитого юношу как ими будто бы выкормленного жеребенка. Так и распинаются, особенно Тертий[32], врачующий от неплодия жен». Бывали на чтениях в[еликий] кн[язь] Константин[33] и Макар Литовский[34], но поотстали – читает очень утомительно, вещает как пифия с треножника. Вот и все наши злобы дня, плавающие поверх без содержательной пошлости и скуки.

Да сохранит нас от нее Вдохнувший в нас дыхание жизни. Ваш слуга и почитатель, Н. Лесков.

№ 7.

СПб., Литейная, № 26, кв. 44.
[18]80 г.

Уважаемый Петр Васильевич!

По поводу моего доклада «О преподавании Закона Божия в народных школах»[35] можно писать, но пишут все, не читая книги. Посылаю Вам экземпляр, дайте кому-нибудь, умеющему читать книги сначала до конца (если у Вас в Казани такие редкие люди еще водятся), и напечатайте что-нибудь в «Собеседнике». Как хотите, ведь дело значения немалого. Хочет или уже совсем не хочет православие жить по земле, но хоть подобие-то христианской религии все-таки надо бы просто дать «крещеному язычеству»! Прибавляю к докладу и «Трех праведников». Живите много лет и напишите еще много хороших книг. Посылка едет в академию на Ваше имя. Ваш слуга и почитатель, Н. Лесков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Приходское духовенство со времен реформы Петра I» — докторская диссертация П. В. Знаменского, издана в Казани отдельным изданием в 1873 г., до этого печаталась в академическом журнале «Православный собеседник».
2. Преосвященный Никанор — архиепископ Одесский и Херсонский. С 1868 по 1871 г. ректор Казанской духовной академии, его административную и научно-педагогическую деятельность высоко оценил П. В. Знаменский в «Истории Казанской духовной академии».
3. Tout est possible dans la nature — все возможно в природе (фр.).
4 Пиетисты — последователи протестантского движения, ставящего религиозное чувство выше религиозных обрядов.
5. Эгзегатические — относящиеся к трактованию смысла Библии, доказывающие божественный дух священных писаний.
6. В 1875 г. Н. С. Лесков служил в Министерстве народного просвещения членом особого комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народа. В его обязанности входило рецензирование сочинений, подготовленных к печати.
7. Нотатки — заметки (польск.).
8. Феофан — Феофан Прокопович (1681-1736), выдающийся государственный и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I, один из создателей Российской академии наук.

9. Феофилакт Лопатинский (?-1741), духовный писатель, ректор Московской духовной академии, архиепископ Тверской, не сочувствовал направлению Феофана Прокоповича. В 1735 г. лишен архиерейства и заключен в Выборгском замке. В 1740 г. освобожден и восстановлен в сане.
10. Мациевич — митрополит Арсений Мацеевич (1697-1772), противник церковных реформ Петра I, при Елизавете и Екатерине резко выступал против правительственных распоряжений, направленных на ограничение монастырской деятельности. Был осужден, лишен сана, низведен до звания простого монаха, умер в заточении в монастыре.
11. Платон (Левшин) — митрополит Московский, писатель, один из первых авторов сочинения по истории русской церкви.
12. Филарет (Гумилевский) — известный богослов и историк церкви, рассматривал историю русской церкви с официальной точки зрения в духе «Истории России» Н. М. Карамзина. С 1857 г. — архиепископ.
13. Цитата из пьесы Островский А. Н. «Гроза».
14. Ахилла, комиссар Данилка — персонажи романа-хроники Н. С. Лескова «Соборяне». В романе Ахилла говорит несколько иначе: «Рассуждай, Данила, по бытописанию, как хочешь… но обряда не касайся… потому что это наша жизненность, наше существо».
15. Архиерей и Кириак — персонажи рассказа Н. С. Лескова «На краю света».
16. Костомаров Н. И. (1817-1885), русский писатель, историк, близкий знакомый Н. С. Лескова.
17. Иннокентий (Борисов) (1800-1857), богослов и оратор, автор многих церковно-исторических сочинений.
18. О ком идет речь не установлено.
19. В «Апокризисе» Феофилакт Лопатинский выступал против трактата Феофана Прокоповича «Об иге неудобоносимом» и в защиту патриаршества, упраздненного Петром I.
20. П. В. Знаменский увлекался строительством. По своим проектам он построил два дома с флигелями, которые сдавал в наем преподавателям академии, беря с них половинную стоимость от установившейся цены найма. Знаменский был также членом строительной комиссии при академии, консультировал церковников в ходе реставрации храмов, а также старинных фресок и икон. К сожалению, дома Знаменского, имевшие несомненную культурно-историческую ценность, не сохранились.
21. Письмо двух авторов: П. А. Преображенского (1828-1893), писателя, редактора и издателя журнала «Православное обозрение», и Н. С. Лескова. Первый абзац принадлежит перу Н. С. Лескова, далее следует письмо П. А. Преображенского, и снова Н. С. Лескова.
22. Волков Д. В. (1718-1785), государственный деятель. При вступлении на престол Петра III был автором манифеста о вольности дворянства и проекта закона об уничтожении тайной канцелярии.
23. Лебедев А. А. (1833-1898), протоиерей, духовный писатель. С 1884 г. — настоятель Казанского собора в С.-Петербурге. Общий знакомый Н. С. Лескова и П. В. Знаменского.
24. Софония (Сокольский) (?-1877), епископ Туркестанский, проповедник, духовный писатель.
25. Очевидно, в письме говорится о присланной Лескову речи Знаменского «Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра II», опубликованной в «Православном собеседнике» и напечатанной отдельным изданием в Казани в 1878 г. В ней Знаменский рассматривает назревшие проблемы в сфере духовного образования.
26. Поповицкий А. И., редактор «Церковно-общественного вестника».
27. Предтеченский А. И. (?-1893), основатель и редактор «Церковного вестника».
28. По-видимому, Филарет (Филаретов) (1824-1882), с 1877 г. — епископ Рижский, инспектор Казанской академии, ректор Киевской академии.
29. Ключарев Г. М., писатель, священник, известен сочинениями по истории ветхозаветного священства.
30. Васильев И. В. (1821-1881), духовный писатель, священник посольской церкви в Париже, председатель учебного комитета при Священном Синоде.
31. Соловьев В. С. (1853-1900), философ, поэт.
32. Тертий — Филиппов Тертий Иванович (1825-1899), журналист, государственный контролер, член Синода, был близок к славянофилам. По отзыву А. Н. Лескова, «величайший лицемер и ханжа» (см.: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. – М., 1984. – Т. 2. – С. 176).
33. Великий Князь Константин (псевдоним К. Р.) (1858-1915), поэт, музыкант, президент Академии наук.
34. Макар Литовский — Макарий (Булгаков), выдающийся историк церкви, в 1878 г. архиепископ Литовский, впоследствии — митрополит Московский.
35. «О преподавании Закона Божия в народных школах» — объемная записка, свыше девяти печатных листов, выполнена Н. С. Лесковым по распоряжению Министерства народного просвещения, была напечатана в количестве 200 экз. (см.: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. – М., 1984. – Т. 2. – С. 107, 180).

Публикацию подготовил
Борис Куницын